

ДОРОГА ВЗАВТРА

Диалог Расула Гамзатова и Чингиза Айтматова

В двадцать два часа двадцать две минуты по московскому времени из Минска отошел скорый поезд № 2. Мелькают фигуры провожающих, исчезает платформа, кончается черта города. Пассажиры от оного не отходят. Они знают, что на двадцать первом километре от столицы Белоруссии будет виден Курган Славы. Когда-то на стыке четырех фронтов здесь сра-

жались и побеждали советские люди. Четверть века спустя шли сюда их дети — каждый со своей горстью земли. А потом архитекторы, скульпторы увенчали вершину холма памятником из бетона и металла.

Среди пассажиров поезда были киргизский писатель Чингиз Айтматов и дагестанский поэт Расул Гамзатов. Вместе с

ними, с группой архитекторов и художников был и специальный корреспондент «Правды» Г. Кожухов. Они знакомились с мемориальным комплексом, что стоит теперь на месте сожженной фашистами белорусской деревни Хатынь.

Дорога всегда располагает к беседе, к открытости, особенно вот в такую предновогоднюю ночь.

Айтматов: Праздник Нового года — что это такое? Триста шестьдесят пять дней, прошедших один за другим в строгом порядке. Не больше и не меньше. Время же неизмеримо, оно не имеет ни начала, ни конца, его не облетишь со всех сторон, как землю. Но люди решили обозначить его вехами, чтобы мерить дни, жизнь, историю, дела свои, чтобы знать, чего достигли, чего приобрели, что потеряли за определенный промежуток времени. Почему же все-таки нас что-то волнует на этом пороге, будто он — не простая условность, которую люди сами придумали?

Гамзатов: Потому что человек — поэт. А поэт всегда волнуется открытием: новая дорога, новая песня, новый день. Эту способность убивает в человеке социальный гнет. Не знаю, как в Киргизии, а у нас в горах полвека назад новый год торжественно не встречали. Когда-то давно обычай этот существовал, но потом горцы убедились, что наступающее утро ничего не приносит и даже не обещает: все повторяется. И настойчивее всего повторялось плохое, нерадостное.

Айтматов: А у нас прежде Новый год встречали весной. Люди собирались вместе, разжигали костры и здесь, у костров, просили милости у могущественных сил. Просили, чтобы скот умножился двойнями и тройнями, чтобы молока было вдоволь и хлеба, чтобы не было войн и болезней.

Гамзатов: Видишь, как все изменилось. Теперь и в аулах, и в аилах, на севере и на юге люди встречают первую минуту Нового года одновременно, с последним ударом курантов. Эта встреча двухсот сорока миллионов — символ общей радости, веры в собственные могущественные силы. Вель мы теперь обращаемся только к самим себе.

Айтматов: Правильно: к самому себе. Потому за общим нарядным фасадом праздника

у каждого есть что-то очень затаенное, сокровенное.

Гамзатов: А у тебя, Чингиз, что сокровенное за душой? Какое личное волнение?

Айтматов: О личном не рассказывают. Но профессия у нас такая, что настроение зависит от того, как идут, если можно так выразиться, дела на бумаге.

Гамзатов: Не люблю бумажные дела. Слова рождаются из сердца.

Айтматов: Но бумага бумага рознь... Итак, у меня новый год начинается новой повестью. Называется она «После сказки», печатается в первом номере «Нового мира». Небольшая вещь, а писал долго. Вообще с ней у меня как-то неожиданно получилось. Задумал рассказ. Написал, но никак не мог найти концовку. Точнее, придумал, но рассказ не завершался. Когда прибавилось пять страничек, разрушилась композиция. Принялся за середину. Потом опять за начало. Так из десяти страниц и получилось сто пятьдесят с лишним. Причем несколько раз все заново переписывал. Ну, а теперь — известное дело. По ночам снится, что читателям повесть не нравится — говорят, не похожа на мои прежние сочинения. Словом, волнуюсь. В моем возрасте выходить к читателям можно, только доведя свое мастерство до точности и тонкости. Парадокс нашей профессии. Первое время над тобой тяготеет проклятие отсутствия опыта, а чем дальше идут годы, тем острее страдаешь от наличия опыта.

Гамзатов: А о чем все-таки повесть?

Айтматов: О семилетнем мальчике. Но это и не сказка для детей и не повесть о детях для взрослых. Писал для себя и для всех, кому это покажется интересным: о советском, о том, что в детстве в человеке возникает зародыш совести, порядочности, и от того, как он уцелеет и разовьется, какие ему создадут ус-

ловия, зависит цельность и ценность личности. Но, наверное, об этом — все искусство? Короче — не могу ответить тебе, о чем повесть. Отделить идею, тему книги от самой книги — все равно, что пытаться из готового хлеба получить отдельно воду и отдельно муку.

Гамзатов: Это только критики порой так говорят: «Данное произведение посвящено теме труда».

Айтматов: Нет более точного определения природы литературы, чем горьковское — человековедение. В конце концов для писателя важно не где человек трудится, а как он трудится, во имя какой цели.

Гамзатов: Для искусства особенно важны конкретность и подробности бытия и психологии. Только, конечно, не нужны интимные подробности, которые так модны сейчас в западном искусстве и литературе, и к нам, к сожалению, проникают — на экран, в поэзию. Есть вещи, о которых искусство должно целомудренно молчать, точно так, как мужчина не должен на каждом перекрестке рассказывать о любовной женщине. В искусстве современно и важно то, что выражает душу человека и народа. Для меня Пушкин современнее многих иных молодых поэтов, в стихах которых добрался до мысли и чувства мне не дает так называемая «новая форма». Лучше сказать точно, чем «ярко». А точность художнику дают новизна и глубина восприятия жизни. Лучше ничего не сказать, чем повторить то, что сказано другими.

Айтматов: Но мы отвлеклись от темы. Теперь твоя очередь, Расул, ответить: что тебя волнует, чем ты отмечаешь «пересменку» годов — 1969 и 1970?

Гамзатов: Я хотел бы, чтобы они не повторили друг друга. Минувший год для меня был «годом изданий» — по-

явилось на свет восемь моих книжек. В том числе трехтомник. В том числе совсем новенький, только что вышедший в «Молодой гвардии» томик «Четки лет». Надеюсь, — будущий год станет годом творчества, что, конечно, куда труднее... А вообще мне всегда как-то торжественно-грустно на Новый год. Словно во мне, или вокруг, или во всей вселенной случается какое-то таинство. Вдруг перестает существовать настоящее. Наступает прошлое. Наступает будущее. Мечты обнимаются с воспоминаниями.

Айтматов: Тогда давай вспоминать... Когда уходит поколение, с ним вместе грозит исчезнуть и то, что оно пережило, видело. Как отвоевать у времени, чем обозначить великие вехи народной жизни? То, что мы с тобой видели сегодня под Минском, есть победа человека над тленом, над течением бытия. История никогда не забудет Великую Отечественную войну. Ее жертвы и ее подвиги. Чтобы память не зависела от ухода очевидцев, от случайностей, на помощь истории приходит искусство. В лаконичной, строгой и пронзительной форме Искусство увековечило минувшее. На месте сожженной фашистами Хатыни — памятник каждой избе. Кладбище исчезнувших с лица земли белорусских деревень. Всем до одной поставлена гранитная плита. Наверное, только искусство способно вот так властно остановить мгновение, заставить живущего сегодня прикоснуться к событию, которое ушло и не вернется. Наверное, это и есть наивысшее назначение искусства — возвеличить человека, утвердить его на земле как деятеля и борца.

Гамзатов: А знаешь, мне особенно дорого, что Хатынь и Курган Славы созданы молодыми художниками. Это говорит о многом, если новое поколение, которого война, к счастью, не коснулась, способно так сильно, искренне и

свято относиться к тому, что выпало на долю их отцов и старших братьев... Меня интересуют вопросы не только нравственные, но и эстетические. От хатыньского памятника веет и творческой свежестью, новизной, что также кажется мне существенным. У меня растут дети. Какими они будут? Я не настолько высокомерен, чтобы хотеть видеть в них свою копию. Пусть они станут лучше, совершеннее. Молодые должны быть не подражателями, а продолжателями... И еще о нашей поездке. Я впервые попал в Белоруссию и хотел бы завещать своим детям обязательно навещать эту республику, которая сама по себе — памятник народного подвига. Что же касается Хатыни — это не просто музей. Сюда надо ездить, чтобы очинять себя. На земле Белоруссии живут люди — авторы самого подвига, а не памятника ему.

Айтматов: В мае 1970 года пойдет двадцать шестой год после войны. И я хотел бы сегодня сказать каждому своему другу и близкому, каждому соотечественнику: поздравляю тебя с двадцать пятым годом, который наш народ встречает без войны. Жить без войны для нас — значит строить жизнь по нашим законам, по ленинским законам.

Гамзатов: А если бы не эти законы, киргиз и аварцы не приняты были бы с таким теплом в Белоруссии. Нас с тобой привнимают так в Ленинграде и Риге, Ташкенте и Тбилиси. Везде, куда бы мы ни приехали. Да, можно сказать еще проще. Если бы не эти законы, мы бы с тобой сейчас здесь не сидели и не разговаривали.

Айтматов: Многого бы не было. Например, съезда колхозников, содержание которого дало большой жизненный материал и для нас, писателей. Когда такое было в истории, чтобы крестьяне, собравшись вместе, вот так решали государственные дела?

Гамзатов: Новый год — этап жизни. Как мы начнем его и чем закончим — зависит от нас. От всех советских людей, от усилia народов. От дружбы народов. И от каждого человека в отдельности, от того, как каждый из нас будет жить и трудиться.

Айтматов: А это зависит в какой-то степени и от нас с тобой, Расул, и от всех наших коллег. Все, что мы, писатели, артисты, кинематографисты, композиторы, делаем, мы делаем для всех. Искусство и литература должны быть полезными и необходимыми своим времени.